

Н. Белозерская

**Василий Трофимович
Нарежный**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Белозерская**
Василий Трофимович Нарезный / Н. Белозерская – М.: Книга по Требованию,
2015. – 297 с.

ISBN 978-5-4241-6321-0

Василий Трофимович Нарезный. Историко-литературный очерк.

Издание 2-е, исправленное и дополненное.

ISBN 978-5-4241-6321-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВАСИЛІЙ ТРОФИМОВИЧЪ НАРЪЖНЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

„Русскихъ романистовъ было много, а романовъ мало, и между романистами совершенно забытъ ихъ родоначальникъ Нарѣжный... Появленіе Булгарина въ качествѣ романиста было упрямѣнно появленіемъ на томъ же поприщѣ Нарѣжнаго, человека съ замѣчательнымъ и оригинальнымъ талантомъ“... (В. Г. Бѣлинскій, Соч., т. VI, стр. 68—69, и т. XII, стр. 506) (1).

Со времени Бѣлинскаго названіе «перваго русскаго романиста» осталось за В. Т. Нарѣжнымъ въ нашей литературѣ. Равнымъ образомъ, большинство рецензентовъ сочиненій В. Нарѣжнаго признаютъ въ немъ сильный самобытный талантъ, наблюдательность, оригинальный умъ, творческую силу воображенія, а также «познаніе сердца человѣческаго, искусство ловить комическія черты, рассказывать просто, занимательно» и пр. (2). Но, въ настоящее время, русской читающей публикѣ приходится вѣрить всему этому на-слово, потому что Бѣлинскій, занятый текущей литературой, долженъ былъ ограничиваться лишь общими обзорами ея прежней поры. Последующіе критики еще менѣе обращали вниманія на прошлое нашей литературы, такъ что къ нимъ едва-ли не въ бѣльшей степени примѣнимъ упрекъ Гоголя, нѣкогда обращенный имъ къ русской критикѣ въ его статьѣ «О движеніи журнальной литературы»: «Нигдѣ не встрѣтишь, говоритъ онъ, чтобы упоминали имена уже окончившихъ поприще писателей нашихъ... о вліяніи ихъ еще замѣтномъ. Наша эпоха, кажется, какъ будто отрублена отъ своего корня, какъ

будто у насъ вовсе нѣтъ начала, какъ будто исторія прошедшаго для насъ не существуетъ»... (3).

Не подлежитъ сомнѣнiю, что знакомство съ прошлой русской литературой значительно подвинулось впередъ, благодаря капитальнымъ монографiямъ и изслѣдованiямъ, вышедшимъ въ новѣйшее время, но пока разработаны только извѣстные отдѣлы и періоды. Многое осталось почти нетронутымъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о постепенномъ развитiи романической литературы въ Россiи или, другими словами, о времени возникновенiя переводнаго романа, перехода его въ подражательный, а затѣмъ въ болѣе или менѣе самобытный. Естественно, что вмѣстѣ съ тѣмъ остался незатронутымъ и Нарѣжный. Историки общей литературы отвели сравнительно невидное мѣсто нашей первоначальной романистикѣ и всё, кромѣ А. Д. Галахова (4), по той или другой причинѣ не сочли нужнымъ заняться разборомъ и оцѣнкой сочиненiй Нарѣжнаго. Въ біографическихъ и энциклопедическихъ словаряхъ, даже наиболѣе пространныхъ, или вовсе не упоминается о немъ, или же мы встрѣчаемъ самый краткій отзывъ о «первомъ русскомъ романистѣ», почти въ одинаковыхъ выраженiяхъ;—при этомъ обыкновенно упомянуты два-три его романа.

Между тѣмъ до сихъ поръ почти во всѣхъ петербургскихъ бібліотекахъ для чтенiя можно встрѣтить десять томовъ романовъ и повѣстей В. Нарѣжнаго изд. 1835—1836 гг. Кромѣ того, въ 1814 г. былъ напечатанъ его замѣчательный, по тому времени, романъ «Россійскій Жилблазъ или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова», пріостановленный цензурой послѣ появленiя третьей части, вслѣдствіе чего это сочиненіе уже въ 1820 году составляло рѣдкость (5). Затѣмъ В. Нарѣжный написалъ пять трагедій, не считая одъ, стихотворенiй, басенъ, драматическихъ сценъ, историческихъ повѣстей и рассказовъ, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданiяхъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтiй.

Понятно, что при такомъ отношенiи литературы къ нашему первому по времени романисту стала мало по малу забываться о Нарѣжномъ и русская читающая публика. Въ настоящее время не мало найдется образованныхъ людей, которые едва знаютъ о существованiи Нарѣжнаго, хотя помнятъ имена многихъ современныхъ ему, болѣе мелкихъ и даже бездарныхъ, писателей. Его случайные читатели могутъ теперь судить о немъ только съ эстетической, а

на исторической точки зрѣнія, особенно важной въ данномъ случаѣ, и не смотря на безусловную талантливость его произведений должны неизбежно находить ихъ устарѣлыми, мѣстами скучными, и быть можетъ, иногда, даже лишенными смысла. Они вправдѣ упрекать его въ тяжеломъ слогѣ и даже подчасъ въ недостаткѣ художественнаго вкуса, въ чемъ, впрочемъ, упрекали его и современники, хотя эта слабая сторона таланта Нарѣжнаго была менѣе опутительна для нихъ, нежели для насъ.

Причины такого незаслуженнаго забвенія со стороны литературы и публики довольно сложныя, и настолько же зависѣли отъ общаго состоянія литературы и положенія прозаическихъ писателей въ первую четверть настоящаго столѣтія, какъ и отъ характера произведений Нарѣжнаго и условій его личной жизни. Съ разбора этихъ причинъ и уясненія вопроса, насколько Нарѣжный заслуживаетъ названіе «родоначальника нашихъ романистовъ» и что новаго представляютъ его произведенія, сравнительно съ предшествующей романической литературой — начинаемъ нашъ историко-біографическій очеркъ.

I.

В. Т. Нарѣжный, писатель послѣднихъ годовъ прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, началъ свою литературную дѣятельность при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ для развитія его таланта. Русскій романъ и повѣсть находились въ зачаточномъ видѣ, и тогдашняя русская беллетристическая проза не представляла, въ этомъ отношеніи, готовыхъ образцовъ какъ по формѣ, такъ и содержанию. Приходилось прокладывать новый путь, и естественно, что, согласно общему ходу нашей культуры и подчасъ чрезмѣрному поклоненію всему западному, наша романическая литература началась съ рабскаго подражанія западнымъ образцамъ. Русская публика зачитывалась переводными иностранными романами и наши первые романисты должны были неизбежно слѣдовать въ своихъ произведеніяхъ господствующему вкусу и требованіямъ. Хотя во многихъ изъ нихъ проглядываетъ очевидное стремленіе къ сближенію съ русской дѣйствительностью, но это стремленіе выразалось пока въ видѣ единичныхъ и большею частью крайне слабыхъ проблесковъ. Въ одномъ только «Россійскомъ Жилблазѣ», первомъ значительномъ

произведении Нарышкина, издавномъ въ 1614 году, мы видимъ первоначальный заворотъ къ созданію вполнѣ русскаго романа. Но здѣсь, какъ и въ двухъ позднѣйшихъ лучшихъ звонкхъ романахъ: «Бурлакъ» и «Два Иваны», Нарышкинъ, въ силу естественнаго закона постепеннаго развитія, запалитъ известную дамъ подражанію, хотя въ неизмѣримо меньшей степени, нежели кто либо изъ его предшественниковъ.

Малоразвитая русская читающая публика конца XVIII и начала XIX вѣка, встрѣчая въ подражательныхъ романахъ и повѣстяхъ, выдаваемыхъ за «оригинальныя русскія сочиненія», или рабское копированіе иностранныхъ произведеній, или много общаго съ ними по формѣ, характерамъ героевъ и героинь, равно и содержанию, могла легко смѣшивать ихъ съ послѣдними и не замѣчать случайныхъ самобытныхъ чертъ. Этимъ только можно объяснить, до известной степени, безразличное отношеніе тогдашней публики къ нашей первоначальной романтической литературѣ, кромѣ подражательныхъ повѣстей Карамзина; значительный успѣхъ ихъ, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ, объясняется авторитетомъ, который приобрѣлъ Карамзинъ среди русской публики изданіемъ «Писемъ русскаго путешественника» въ 1791—1792 гг., судя по тому, что его первая сентиментально-любовная повѣсть «Евгеній и Юлія», напечатанная года за два передъ тѣмъ, прошла безслѣдно (6). Затѣмъ изъ четырехъ повѣстей, помѣщенныхъ въ «Московскомъ Журналѣ» 1792 года (7), всего больше посчастливилось «Вѣдной Лизѣ», которая настолько пришлась по вкусу большинству тогдашнихъ читателей, что обратила на себя общее вниманіе. Объ успѣхѣ ея можно судить изъ того, что семь лѣтъ спустя она не была забыта, хотя взгляды на самого Карамзина значительно измѣнились, по крайней мѣрѣ въ людяхъ известнаго направленія, какъ видно изъ письма И. А. Иванова, соученика А. Х. Востокова по академіи художествъ и его близкаго пріятеля ¹⁾.

¹⁾ И. А. Ивановъ писалъ Востокову изъ Москвы отъ 15-го (24-го) августа 1799 года: „Съ 1792 г. повѣсть о Вѣдной Лизѣ продолжаетъ занимать всѣхъ. По пріѣздѣ отправился осматривать мѣсто, очарованное перомъ Карамзина... Нашелъ я прудъ, стоящій среди поля и окруженный деревьями и валами; опять сѣвши я продолжалъ читать. Тетрадь чуть не вырвалась у меня изъ рукъ и не скатилась въ самый прудъ къ великой чести Карамзина, что копія его во всемъ сходствуетъ съ оригиналомъ. Нынѣ прудъ здѣсь въ великой

И.

Продолжительное, почти исключительное господство различных видовъ стихотворства, драматической литературы, сатиры и басни, приучило русскую публику считать писателями только тѣхъ, которые подвизались на этомъ поприщѣ, хотя она вообще не отличалась разборчивостью и подчасъ одинаково восхищалась первоклассными и мелкими поэтами, талантами и бездарностями. Такие писатели пользовались особеннымъ уваженіемъ и всякій грамотный человѣкъ пытался быть стихотворцемъ, драматургомъ или баснописцемъ, тѣмъ болѣе, что на занятіе литературой смотрѣли какъ на пріятное препровожденіе времени, свободнаго отъ службы и другихъ серьезныхъ дѣлъ. Особенно распространены были стихотворенія и оды, которыя появлялись по поводу самыхъ разнообразныхъ случаевъ и едва-ли не въ большемъ количествѣ, нежели гдѣ-либо. Большинство нашихъ извѣстныхъ тогдашнихъ литераторовъ, какъ, на примѣръ, Карамзинъ, Капнистъ, Крыловъ, Востоковъ и другіе, писали, между прочимъ, и стихи, а у нѣкоторыхъ, какъ, на примѣръ, Мерзлякова, стихи значительно преобладаютъ надъ прозой (8). Равнымъ образомъ и Нарѣжнѣй, быть можетъ подъ давленіемъ гос-

славъ, часто гуляетъ около него народъ станицами и читаетъ надписи, вырванныя на деревьяхъ вокругъ пруда, и я читалъ ихъ и не нашелъ ни одной путной; вездѣ Карамзина ругаютъ, вездѣ говорятъ, что онъ навралъ, будто Лиза утонула, никогда не существовавшая на свѣтѣ. Есть, правда, изъ нихъ и такія, кои написаны чувствительными, тронутыми сею жалкою исторіею, но онѣ жалки и писаны, кажется, пеметрашнами..." Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ апрѣля 1800 года, Ивановъ опять пишетъ о Карамзинѣ: „Здѣсь такъ о немъ худо говорятъ, что я потерялъ въ немъ половину прежняго почтенія и любопытства его видѣть, отъ того по сѣю пору не видалъ его... Мнѣ кажется, что онъ былъ гѣкогда такимъ, какимъ онъ по сочиненіямъ своимъ казался, жилъ такъ, какъ въ книжкахъ пишутъ, пока не вступилъ въ большой свѣтъ. Ему въ доказательство можно поставить посланіе его къ Дмитріеву... Ты, можешь быть, сію пьесу назвустъ знаешь. Она, мнѣ кажется, положила предѣлъ Карамзинской невинной жизни. Съ сѣихъ поръ, онъ, видя, что она между людьми неумѣтна и находя себя имѣющимъ право пользоваться мірскими благами, такъ какъ всѣ пользуются, вырывая другъ у дружки, сталъ жить какъ умной человѣкъ и пр... Ты хвалишь Нарѣжнаго, а я похваляю тебѣ князя Долгорукаго, коего я читалъ недавно двѣ или три пьесы въ стихахъ, весьма прекрасныя, по моему мнѣнію..." (См. „Сборникъ 2-го отдѣленія Имп. Акад. Наукъ“, т. V, вып. 2, стр. VIII—IX).

подствующаго вкуса въ литературѣ, началъ съ писанія одъ, стихотвореній, драматическихъ сценъ и трагедій, какъ о томъ свидѣтельствуя его первые литературные опыты, помѣщенные въ московскихъ журналахъ: «Пріятное и полезное препровожденіе времени» 1798 года (9) и «Иппокрена или Утѣхи Любословія» 1799 и 1800 гг. (10). Стихи Нарѣжнаго, повидимому, въ свое время имѣли почитателей и въ томъ числѣ Востокова, какъ показываетъ одна фраза въ концѣ приведеннаго нами письма И. А. Иванова, отъ апрѣля 1800 года.

Между тѣмъ писатели-прозаики были далеко не въ такомъ блестящемъ положеніи и не пользовались большимъ почетомъ, что, между прочимъ, подтверждается отзывомъ одного изъ нихъ, который еще въ 1810 году жалуется на равнодушіе и отсутствіе поддержки со стороны читателей: «Публика причиною, говоритъ онъ, что многіе съ талантомъ и познаніями начали скучать упражненіями въ словесности и посвящаютъ свои дарованія государственной службѣ... одобреніе и награда слабы, а досада и неудовольствія, сопряженные съ состояніемъ писателя, такъ велики, что должно имѣть самую страстную любовь къ словесности, чтобы заниматься ею долго; я говорю о прозаическихъ писателяхъ» (11). Справедливость этого отзыва подтверждается современными извѣстіями, изъ которыхъ видно, что переводчики, особенно классическихъ произведеній, ставились на одну доску съ оригинальными прозаическими писателями, а нѣкоторые изъ нихъ даже впоследствии приобрѣли извѣстность, какъ, напримѣръ: Мартыновъ, А. Алексѣевъ, П. Голенищевъ-Кутузовъ, Ѳ. Поспѣловъ, М. Невзоровъ, М. Глѣбовъ и др. (12). Какое значеніе придавали тогда переводамъ вообще, сравнительно съ оригинальными произведеніями; можно видѣть изъ слѣдующаго отзыва издателя «Новостей русской литературы» Сохацкаго въ 1804 году: «Признавая чистосердечно наши словесныя произведенія (выключая весьма немногихъ привилегированныхъ на безсмертіе писателей), это, бѣдшею частью, только опыты. Но и птенцы перепархиваютъ сперва съ вѣтви на вѣтвь, пока укрѣпятся столько, чтобы смѣло пуститься въ пространства воздушныя»... Затѣмъ Сохацкій задаетъ вопросъ: «Переводы принадлежать-ли къ новостямъ русской литературы?» и даетъ такой отвѣтъ: «По всему праву, если только они выработаны старательно, точно, чисто, съ сохраненіемъ оригиналовъ» (13).

Почти всѣ тогдашніе писатели, не исключая и Нарѣжнаго, на ряду съ оригинальными произведениями, занимались въ значительной степени переводами, которые были даже выгоднѣе съ матеріальной стороны. Такъ, на примѣръ, московскіе журналы, издававшіеся въ большомъ количествѣ до 1812 года, отдавали въ этомъ отношеніи преимущество переводчикамъ, которые одни получали плату «хотя и скудную», что объясняется положеніемъ журналовъ, издаваемыхъ, повидимому, изъ любви къ искусству, судя по незначительному числу подписчиковъ (иногда меньше 100 и не свыше 300), а также кратковременному существованію многихъ изъ нихъ. Издатели тратились преимущественно на печать, бумагу и переводы, тѣмъ болѣе, что оригинальныя произведенія и стихи доставлялись даромъ, «изъ чести быть напечатанными». Что же касается книгопродавцевъ, о невѣжествѣ и корыстолюбіи которыхъ говоритъ И. И. Дмитріевъ въ своей автобіографіи, то «они покупали и печатали переводы, платя за нихъ по произвольной оцѣнкѣ и согласію съ переводчиками, книгами изъ своей книжной лавки» (14). Но даже не принимая въ расчетъ нравственныхъ качествъ и степени образованія тогдашнихъ книгопродавцевъ, можно предположить, что они болѣе дорожили переводами, нежели подражательными романами и повѣстями. Извѣстнымъ ручательствомъ успѣшнаго сбыта того или другаго перевода служило для нихъ имя иностраннаго автора, болѣе или менѣе популярное среди русской публики, благодаря множеству издававшихся тогда переводныхъ романовъ и повѣстей, не говоря о рукописной литературѣ.

III.

Помимо неблагоприятныхъ литературныхъ условій, равнодушія или непониманія со стороны публики, не менѣе должно было тормозить развитіе начинающихъ доморощенныхъ романистовъ и, въ томъ числѣ Нарѣжнаго, отсутствіе надлежащей критики, которая была въ такомъ же зачаточномъ видѣ, какъ и наша романтическая проза. Тогдашняя критика рассматривала сочиненія, преимущественно, со стороны языка, строго преслѣдовала всякое отступленіе отъ принятыхъ правилъ пѣтики и риторики и, въ большинствѣ случаевъ, ограничивалась возгласами или отрывочными указаніями

на неудачныя слова и выраженія. Рельефнымъ образчикомъ такой критики служить рецензія 1804 года, за подписью «Неизвѣстный», представляющая разборъ трагедіи В. Нарѣжнаго «Димитрій Самозванецъ», напечатанной въ Москвѣ отдельной книгой въ 1804 году.

«Правосудія, милостивые государи, правосудія! восклицаетъ «Неизвѣстный» рецензентъ, обращаясь къ редакціи журнала «Сѣверный Вѣстникъ» (15). «Вы добровольно взяли на себя судьями нелицемѣрными и показали на самомъ дѣлѣ свое правосудіе, я доставлю вамъ новый случай показать его»... Постъ такого оригинальнаго воззванія рецензентъ считаетъ долгомъ сдѣлать оговорку, что если его замѣчанія покажутся ошибочными, то онъ проситъ «указать ему ошибки», а затѣмъ уже приступаетъ къ разбору трагедіи «Димитрій Самозванецъ». Онъ особенно нападаетъ на автора за отступление отъ правилъ, изложенныхъ въ книгѣ аббата Batteux «Principes de Litterature» и указываетъ на главы о драмѣ и трагедіи:

«Всякое театральное сочиненіе, говоритъ онъ, раздѣляется на дѣйствія. Первое дѣйствіе должно показать ясно, въ чемъ состоитъ главное содержаніе, дать понятіе о дѣйствующихъ лицахъ и кончиться, заставивъ зрителей внимательно ждать послѣдствій. Мѣсто дѣйствія должно быть единственное... Мѣста видовъ своихъ не перемѣняютъ. Но если сочинитель найдетъ себя принужденнымъ перемѣнять мѣста, то, по крайней мѣрѣ, долженъ онъ это сдѣлать при началѣ дѣйствія, а не въ срединѣ, что совсѣмъ недозволительно»... При этомъ для большей наглядности слѣдуютъ указанія въ какихъ собственно сценахъ Нарѣжный отступилъ отъ принятыхъ правилъ:

«Я читалъ двѣ Шиллеровы трагедіи въ этомъ же родѣ, замѣчаетъ далѣе рецензентъ, но «Самозванецъ» не можетъ равняться ни съ трагедіей «Разбойники», ни съ трагедіей «Заговоръ Фіеска въ Генуѣ»... Есть, однако-жъ, въ Самозванцѣ прекрасныя мѣста!» восклицаетъ затѣмъ рецензентъ и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ довольно пространныя выдержки изъ трагедіи Нарѣжнаго, хотя безъ всякихъ объясненій, такъ что при чтеніи ихъ невольно является вопросъ: почему указанные сцены могли показаться «прекраснѣе» другихъ.

Не менѣе своеобразенъ отзывъ Незвѣстнаго о слогѣ «Димитрія Самозванца» и его наставленіе сочинителю, которое служитъ заключеніемъ рецензіи:

«Надобно много бумаги, говоритъ онъ, чтобы вписать всѣ мои

замѣчанія на слогъ, которымъ писана сія трагедія. Скажу только, что я нашелъ множество непонятныхъ выраженій, какъ-то: смотритъ во всѣ глаза, адомъ бьется сердце, сегодня ночью... вездѣ га! и г-мъ! и множество другихъ съ непростительными ошибками противъ правилъ грамматики»,

«Вообще видно, что если г. Нарѣжный забудетъ расположеніе нѣмецкихъ трагедій, если прочтетъ «Principes» Batteux, согласится передѣлать свою трагедію, выброситъ лишніе разговоры и оставитъ необходимыя для главнаго содержанія, поправитъ слогъ и рѣже будетъ говорить о діаволахъ и сатанахъ, то напишетъ прекрасную трагедію». Подписано: «Неизвѣстный».

Однако, и въ тѣ времена, когда писались рецензіи, подобныя вышеприведенной, и печатались въ журналахъ, такъ и позже встрѣчаются единичныя попытки болѣе дѣльной и осмысленной критики, какъ, напримѣръ, П. Макарова, Каченовскаго, Л. Неваховича, Е. Станевича, Д. Дашкова, Писарева, Мерзлякова, Строева и другихъ, между которыми видное мѣсто занимаетъ разборъ книги Шишкова «О старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка», написанный Макаровымъ (16). Но такія единичныя случайныя явленія не могли имѣть прочнаго вліянія на нашу литературу, какъ это сознавали и тогдашніе критики, судя по словамъ Макарова, приведеннымъ Н. Гречемъ (17): «Критика наша не для авторовъ и переводчиковъ, а единственно въ пользу тѣхъ любителей чтенія, которые для выбора книгъ не имѣютъ другаго руководства, кромѣ газетныхъ объявленій».

IV.

Съ другой стороны не малымъ препятствіемъ для развитія критики могло быть и то условіе, что тогда по принципу не допускались какія-либо нападки на признанныхъ писателей и господствовалъ такой взглядъ, что «чтобы судить объ авторѣ отлично, надобно быть такимъ-же». Еще въ 1815 г. А. Θ. Мерзляковъ, профессоръ поэзіи и краснорѣчія въ московскомъ университетѣ (съ 1804 по 1830 г.), приступая къ разбору «Россіяды», поэмы Хераскова (18), долженъ былъ сдѣлать въ этомъ отношеніи рядъ оговорокъ и доказывать необходимость критики: «Хотите ли, говорить

онъ, чтобы число авторовъ умножилось. Будьте къ нимъ внимательнѣе. Еще скажу, разбирайте ихъ и не осуждайте разборовъ. Писатель никогда не достигнетъ совершенства, когда публика не въ силахъ будетъ судить о нихъ. Критика благоразумная раздражаетъ его честолюбіе и понуждаетъ къ великимъ усиліямъ: равнодушіе наше убійство словесности. Публика и писатель взаимно другъ друга совершенствуютъ» и пр. Но на ряду съ такимъ прогрессивнымъ взглядомъ Мерзляковъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «Разборъ посредственныхъ писателей, не возмогшихъ дѣйствовать на умы и сердца, есть разборъ безъ цѣли. Они не приносятъ ни малѣйшей пользы, не представляя ни красотъ высокихъ, достойныхъ подражанія, ни недостатковъ, увлекающихъ еще неутвержденный вкусъ молодыхъ людей»...

Вообще должно замѣтить, что разборъ «Россіяды» очень характеренъ, какъ для обрисовки состоянія критики одинадцать лѣтъ спустя послѣ приведенной нами рецензіи «Неизвѣстнаго» 1804 года, такъ и для самого Мерзлякова, не разъ называемаго въ литературѣ нашимъ первымъ (по времени) критикомъ». Любопытны его постоянныя колебанія между тѣмъ, что предписывала «теорія» и чего ей недоставало; старая привычка къ классицизму слишкомъ часто пересиливала въ немъ чувство изящнаго; онъ опасался всякихъ нововведеній и литература опередила его; еще при жизни его явились новые критики, болѣе соответствующіе духу времени, какъ кн. П. А. Вяземскій и Марлинскій (А. А. Бестужевъ).

Мерзляковъ, изложивъ въ своемъ разборѣ содержаніе «Россіяды», рассуждаетъ о томъ, насколько предметъ, избранный Херасковымъ, «есть совершенно предметъ эпической или достойной безсмертной эпопеи», и ссылаясь на примѣръ Гомера и другихъ классическихъ писателей, говоритъ о необходимости «единства дѣйствія», находить недостатки «въ изобрѣтеніи, содержаніи и въ расположеніи», равно и въ описаніи «чудеснаго». Въ то-же время, дѣлая попытку разбора характеровъ лицъ, изображенныхъ въ поэмѣ, онъ трактуетъ о правилахъ Аристотеля и правилахъ эстетики вообще, а затѣмъ, переходя къ слогу, распространяется о соблюденіи «постепенности», напоминаетъ, что для оживленія повѣствованія необходимы противоположенія, сравненія и уподобленія и пр.

Въ этомъ же разборѣ, по поводу «Россіяды», Мерзляковъ высказываетъ свой взглядъ на романы вообще и на ихъ главную задачу: